

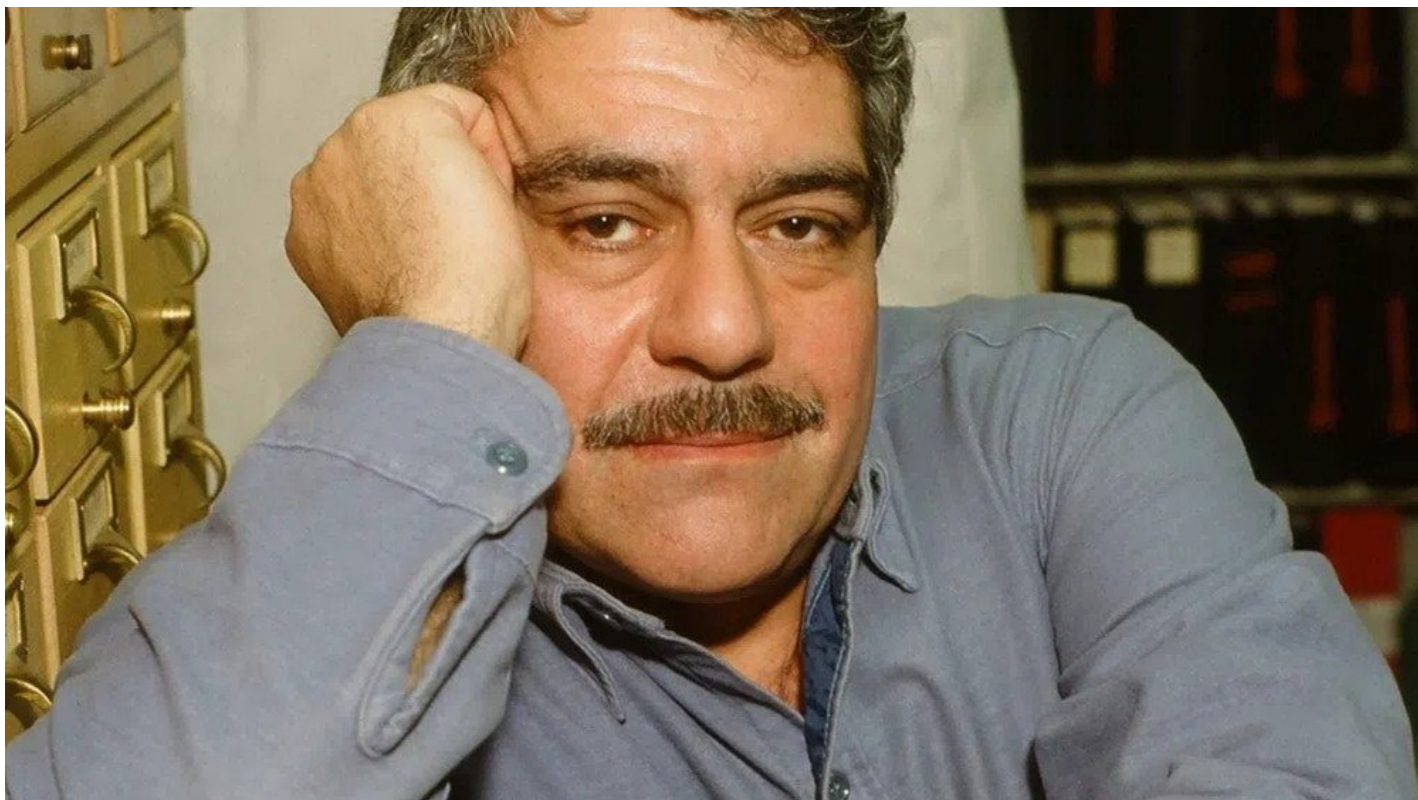

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Абанамат

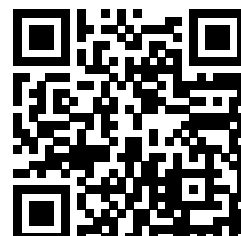
За что мы любим Довлатова?

Сергей Довлатов. Фото: McElroy / Getty Images

15:13, 30 августа 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Наверное, за то, что он даже не старается учить нас чему бы то ни было. Он просто грустно, но с юмором рассказывает нам про нашу жизнь. Пусть его герои жили в другой стране и в другое время, но времена всегда одинаковые, да и люди тоже не особо меняются.

Почему мы любим Довлатова? Лучше Бродского никто не объяснит.

«Читать его легко. Он как бы не требует к себе внимания, не настаивает на своих умозаключениях или наблюдениях над человеческой природой, не навязывает себя читателю. Я проглатывал его книги в среднем за три-четыре часа непрерывного чтения: потому что именно от этой ненавязчивости его тона трудно было оторваться».

Иосиф Бродский. О Сереже Довлатове

Бродский написал эссе о Довлатове через год после его смерти. Нобелевский лауреат по литературе редко писал эссе о других писателях, но Сережу, как он всегда называл Довлатова и с кем с молодости до конца жизни был всегда на «вы», хотя знал его с ленинградской юности, Бродский любил.

Абанамат во все времена

«— АБАНАМАТ! — восклицал дед.

И в доме наступала полнейшая тишина.

Значения этого слова мать так и не уяснила. Я тоже долго не понимал, что это слово означает. А когда поступил в университет, то неожиданно догадался. Матери же объяснять не стал. Зачем?..»

Довлатовский «абанамат» очень точно характеризует наше паскудное время, до которого ушедший от нас в 1990-м Сергей Донатович не дожил. Так и хочется цинично написать: к счастью, не дожил. Писатель с безупречным чувством стиля придумал бы, как описать наше абсурдное время.

«Абанамат» — из сборника «Наши». Оттуда же другая его известная цитата: «Я не буду менять линолеум. Я передумал, ибо мир обречен». Довлатовский советский мир был обречен, наш современный — невыносим настолько, что мы не знаем, обречен он или нет. Но Довлатов, уверена, нашел бы трагически-смешное и в нашей действительности. Переиначил бы свою знаменитую фразу и отрешенно бы усмехнулся.

Он ушел рано. Александр Генис* рассказывал, что, когда хоронили Довлатова, августовское нью-йоркское небо разверзлось потопом. Словно небеса разгневались на судьбу, которая так рано его забрала.

Сегодня, спустя десятилетия после смерти и развала страны, о которой он так трагически и смешно писал, Довлатов остается одним из самых читаемых русскоязычных авторов.

Нью-Йорк

Писателю было всего 49 лет. Почти сразу после его смерти в России к нему пришла оглушительная посмертная слава.

Впрочем, в последние годы жизни Довлатов вкусил успех, которому позавидовал сам Воннегут.

Сергей Довлатов уехал из СССР в сентябре 1978 года после долгих лет запретов на публикации и давления со стороны властей. Первые полгода после отъезда писатель провел в Вене, где у него, как он сам писал в одном из писем Людмиле Штерн, «не было даже собутыльников». В феврале 1979-го Довлатов воссоединился с семьей в Нью-Йорке.

«Думаю, что Нью-Йорк — мой последний, решающий, окончательный город. Отсюда можно бежать только на Луну...» — напишет он в «Ремесле».

В «окончательном» городе он основал с друзьями газету «Новый американец» и начал работать на «Радио Свобода»**. По его колонкам в «Новом американце» мы знаем Довлатова не только как талантливого рассказчика, но и умного публициста.

«Мы сыты, одеты, здоровы. Мы почти так же элегантны, как наши автомобили. Почти так же содержательны, как наши холодильники». № 19, 17 июня 1980.

Когда в начале 1980-х Сергей Довлатов впервые опубликовался в The New Yorker, это стало событием не только для него, но и для всей русской эмигрантской литературы. Это был успех для советского писателя в эмиграции. Одним из первых откликнулся Курт Воннегут — классик американской прозы, чьи слова стали для Довлатова знаком настоящего признания. Воннегут написал ему телеграмму:

«Дорогой Сергей Довлатов! Я тоже вас люблю, но вы разбили мне сердце. Я родился в этой стране и без страха служил ей во время войны, но до сих пор мне так и не удалось продать ни одного своего рассказа в The New Yorker. А вот вы приехали — и бац! — ваш рассказ напечатали сразу же... Я жду многого от вас

и ваших книг. У вас есть талант, который вы готовы подарить этой сумасшедшей стране. Мы счастливы, что вы здесь».

Мемориальная доска на доме Довлатова. Таллин, улица Вабрику. Фото: википедия

Это послание было одновременно ироничным и глубоко трогательным. Воннегут признавался, что сам так и не смог пробиться в *The New Yorker*, но радовался успеху русского эмигранта. Для Довлатова, который в Америке часто чувствовал себя чужим, такие слова значили гораздо больше, чем гонорар. Но, конечно, мечтал он о славе на родине — в России, где были его читатели.

Любил ли Довлатов Нью-Йорк?

Любил. Как может советский человек не любить Нью-Йорк? Впрочем, любовь к городу, из которого «некуда эмигрировать», не отменяла тоску по Ленинграду.

Ленинградский андерграунд

До Воннегута и Нью-Йорка был советский Ленинград, улица Рубинштейна и коммунальная квартира...

В ленинградском андерграунде 60–70-х непризнанные писатели («тунеядцы», как их окрестила советская власть) искали, часто тщетно, свое место в советском литературном мире. Но не только. В этом абсурдном советском мире, в самом красивом советском городе Бродский, Довлатов, Аръев, Найман, Рейн, Лосев, Уфлянд и другие талантливые авторы создали свой андерграундский мир. Читали друг другу свои стихи и рассказы. Больше никому было: их не печатали... Пили, любили, ревновали, спорили... Такая параллельная советской действительности жизнь. В одном пространстве, в разных измерениях.

Памятник Сергею Довлатову на ул. Рубинштейна в Санкт-Петербурге. Фото: википедия

Эта цитата Довлатова про Бродского — про них про всех:
«Бродский создал неслыханную модель поведения. Он жил не в пролетарском государстве, а в монастыре собственного духа. Он

не боролся с режимом. Он его не замечал...»

О чем говорили и спорили андерграундные ленинградские гении? О том же, о чем спорят все гении во все времена. Например, что важнее: справедливость или милосердие? Довлатов, который, по рассказам его друзей, мог легко ранить собеседника в разговоре, для себя решил, что милосердие выше.

«Есть кое-что повыше справедливости! — Ого! — сказал Зарецкий. — Это интересно! Говорите, я вас с удовольствием послушаю. Внимание, господа! Так что же выше справедливости? — Да что угодно, — отвечаю. — Ну а если более конкретно? — Если более конкретно — милосердие...» («Иностранка»)

Сделать бы эту цитату обязательной к любой статье или фейсбучному посту про нашу жуткую действительность!

Порядочные люди и Чехов

Как любой умный человек, Довлатов знал и о себе, да и о людях в целом почти все. И на себя, и на других смотрел немного со стороны и без иллюзий. Чего стоит только одна его фраза:

«Порядочный человек — тот, кто делает гадости без удовольствия». («Компромисс»)

И как она нам нравится, эта его фраза! Как часто мы ее про себя произносим, словно оправдываемся. Довлатов — это про нас всех. Зло немного, но с юмором и обреченной любовью. Мы так о себе думаем, когда уверены, что одни и никто наших мыслей не слышит. Нам, поколению конформистов, приятно любить советского писателя, который смешно пишет про важные для любого времени вещи: милосердие, подлость, конформизм.

«Ну хорошо, съем я в жизни две тысячи котлет. Изношу

двадцать пять темно-серых костюмов. Перелистаю семьсот номеров журнала «Огонек». И все? И сдохну, не поцарапав земной коры?..» («Чемодан»)

Сергей Донатович поцарапал земную кору. Да еще как поцарапал. Только он об этом не узнал. Не узнал, что стал таким же знаменитым, как Чехов. Не менее знаменитым, чем тот, на кого он хотел походить. И он, как Чехов, не успел написать свой большой роман. Мы можем только представить себе, как знаменитый Довлатов пятидесятилетним возвращается в свободную Россию (было и такое время в России) и пишет роман. Но...

Довлатов и Бродский

*«Ни страны, ни погоста не хочу выбирать.
На Васильевский остров я приду умирать».*

И. Бродский.

Не пришел. Бродский так и не вернулся в Россию. И Довлатов не вернулся в свой Петербург/Ленинград. Не успел.

В своем эссе о Сереже Довлатове Бродский написал: «Не думаю, что Сережина жизнь могла быть прожита иначе; думаю только, что конец ее мог быть иным, менее ужасным. Столь кошмарного конца — в удушливый летний день в машине скорой помощи в Бруклине, с хлынувшей горлом кровью и двумя пуэрториканскими придурками в качестве санитаров — он бы сам никогда не написал: не потому, что не предвидел, но потому, что питал неприязнь к чересчур сильным эффектам».

Иосиф Бродский и Сергей Довлатов. Фото: соцсети

Пройдет не очень много времени, в постсоветском Петербурге начнется культ Бродского и Довлатова. Одного очень хотелось понять, другого — постоянно перечитывать. Два таких разных гения серого красивого города.

Национальный вопрос

А все началось с армянской общины Тбилиси, где родилась мама Довлатова Нора Сергеевна. Впрочем, сам Довлатов не очень интересовался своими ни еврейскими, ни армянскими корнями. Но некоторую суть национального вопроса уловил точно: «Многие армяне (особенно грузинские армяне) недолюбливают евреев. Хотя куда логичнее бы им недолюбливать русских, грузин или турок. Евреи тоже не питают к армянам особых чувств. Видимо, изгой не склонны любить других отверженных. Им больше нравится любить

хозяев. Или на худой конец — себя...» (**«Наши»**)

Словно пригвоздил нас этой цитатой к Стене плача или мемориалу Цицернакаберд. Отец, Донат Исаакович Мечик, — еврей, театральный режиссер, который ушел из семьи, когда маленькому Сереже было всего три года, но связь с сыном не терял.

Могила Сергея Довлатова на кладбище Маунт-Хеброн. Флашинг, Куинс, Нью-Йорк. Фото: википедия

«Отец был поставщиком каламбуров и шуток. Мать обладала чувством юмора. (Дистанция — как между булочником и голодающим.) Такие разные люди сосуществовать не могут, это ясно».

Сергей Довлатов. «Наши»

Мама — армянка, актриса, затем корректор. Как писал Довлатов в «Наших», Нора Сергеевна судила о людях по их ошибкам в

русском языке: «Знаешь, он из тех, кто пишет «вообще» через дефис... Что означало крайнюю меру нравственного падения».

Что в нем было больше: еврейского или армянского? Армяне очень любят Довлатова и постоянно ищут в нем армянское. Евреи, более избалованные талантливыми литераторами еврейского происхождения, пожимают плечами.

А точнее всего про национальность Довлатова сказал эстонец, хозяин книжного магазина в документальном фильме «Пять углов Довлатова»: «Он был хорошим русским».

Довлатов, кстати, похоронен на еврейском кладбище в Нью-Йорке. И так получилось, что через дорогу от еврейской могилы Довлатова — армянское кладбище. И это, наверное, не только символично, но и правильно.

За что мы любим Довлатова? Наверное, за то, что так просто и талантливо о нас, людях, потерянных во времени и пространстве, никто не писал. И написал так, что оставил нам немного любви — нашей любви к нам самим, таким несовершенным, смешным, иногда порядочным, когда мы делаем «подлости без удовольствия».

3 сентября Сергею Донатовичу Довлатову исполнилось бы 84 года.

Аза Бабаян

* Минюст включил в реестр иноагентов.

** В сегодняшней России признана нежелательной организацией, ее деятельность запрещена.